

Константин Райкин: наше государство — самый большой кидала

КоммерсантЪ - daily. - 1997. - 21 окт. - с. 10

На прошлой неделе в Комитете по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии Совета Федерации прошли слушания по проекту закона «О театре». Многие видные деятели российской сцены, однако, пришли в верхнюю палату парламента не столько из интереса к перспективному законодательству, сколько от отчаянного положения, в котором оказались их театры. С художественным руководителем московского театра «Сатирикон» КОНСТАНТИНОМ РАЙКИНЫМ беседует обозреватель «Коммерсанта-Daily» РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

— Ваш театр считается относительно благополучным...

— Кто это вам сказал?

— Таков сложившийся имидж театра. Полные залы, дорогие билеты, полмиллиона долларов, затраченных в прошлом сезоне на одну только «Трехгрошовую оперу»...

— Те, кто так считает, путают дорогостоящие спектакли с богатством нашей жизни. Сознание обывателя — это одно, а знания специалистов — это другое. Так я надеюсь, во всяком случае. Мы живем нищенски, на грани катастрофы — я не преувеличиваю.

— Удивительно это слышать. Спросите не только обывателей, но и многих театральных профессионалов, и они скажут, что «Сатирикон» — типичный коммерческий театр.

— Они путают коммерческий театр и театр успешный.

— В будущем законе «О театре», за который ратуют деятели театра, предполагается разграничить понятия «коммерческий театр» и «некоммерческий». Вы могли бы определить, где проходит граница между ними?

— Я в этом мало что понимаю. Но коммерческим может называться только то, что приносит прибыль. Вложил свой рубль, получил рубль двадцать. Вот и вся коммерция. В том-то и абсурд, что государство относится к театрам, как к коммерческим палаткам, где водкой приторговывают. Закон «О театре» — это прекрасно. Я, правда, терпеть не могу этих заседаний. Мне кажется, они все бессмысленны. Лучше репетировать. Но тут пришел мой директор и говорит: посмотрите проект нового налогового кодекса... да если это произойдет, мы просто закроемся. У театров собираются брать налоги с продажи билетов, с площадки, которую они занимают, с имущества, которым они владеют. То есть у нас они собираются брать налог с имущества, которым мы не владеем, потому что оно не наше.

— Вам не повезло: «Сатирикон» — государственный театр?

— Конечно. Разница между федеральными, то есть государственными, и московскими, муниципальными театрами — чудовищная. Лужков отваливает «своим» театрам большие суммы на оборудование. Московские театры имеют льготы по коммунальным услугам. А мы нет, и, если задержимся с платежами, нам просто все враз отключат. Кроме того, они имеют право сдавать свои помещения в аренду. Мы не имеем права, потому что все, что у нас есть, принадлежит Мингосимуществу. И задумай мы что-то получить с площадей, нас немедленно накажут, оштрафуют, арестуют...

Только отчаянное финансовое положение театра заставило Райкина прервать репетиции и прийти в Совет Федерации

— Очевидно, что положенная театрам дотация должна быть уплачена из учредительского кармана. То есть, вам должно платить Министерство культуры.

— Мы получаем 5–7% от того, что должны получать. Это вообще смешно. Всей дотации не хватает, чтобы оплатить хотя бы один из цехов. Этих денег, можно считать, нету. Я иногда прихожу в Министерство культуры. Совершенно бессмысленные рейды, но я иногда все-таки их совершаю. «Дорогие друзья, — кричу я им, — ну, закройте нас вообще! У меня в театре атас, катастрофа! — Ну, Константин Аркадьевич, — лениво потягиваются они в креслах, — напишите письмо, попробуйте то, попробуйте се...» У нас страшная ситуация в смысле технического состояния здания. Летом невыносимая духота, зимой страшный холод. Это же киношка (под «Сатирикон» в свое время был перестроен кинотеатр «Таджикистан» в Марьиной Роще. — «Коммерсантъ-Daily»). Катастрофично, пожароопасно. Заливает театр, во время дождя капает в зале, аппаратуру техники просто закрывают своими телами, как на амбразуру ложатся... Я ходил к Черномырдину, просил, в конце концов добился средств для технической реконструкции. Он пишет резолюцию, а Минфин говорит: «Да мало ли что он вам написал, денег нет». Я опять к нему,

он пишет вторую резолюцию, более жесткую, а они: «Нет денег, и все тут!». В конце концов все-таки выбил. А позавчера входит ко мне мой директор и просто плачет. Взрослый мужчина, создавший два крепких театра на периферии, просто вытирает слезы. Оказывается, нас лишили всех денег на реконструкцию театра. Хотя мы были вставлены в федеральную программу, на уровне закона. Все эти деньги решили перебросить на строительство филиала Большого театра. И восемнадцать театральным объектам по стране перекрыли финансирование. Как это может быть?

— В таком случае извините за бестактный вопрос: а на что же вы, собственно говоря, живете?

— Я иногда захожу в МДТЭК (городская дирекция театральных касс. — «Коммерсантъ-Daily»), у них львиная доля билетов, поэтому с ними надо дружить. И они просят: «Ну сбавьте цены на билеты. Хотя бы немного, ведь у вас и так популярный театр. Когда прорвут метро, вы на нас вообще будете плевать. А сейчас сбавьте немножко, ведь многие люди шарахаются, увидев цены... Вы же самый дорогостоящий театр Москвы». «А как я сбавлю, — отвечаю, — если я только этим и живу?» У нормального московского театра, получающего от Лужкова дотацию, выручка от билетов составляет всего

десять процентов приходящих средств. А я, как государственный театр, вроде бы более высокий по статусу, только с билетов и живу. У меня труппа маленькая. Им сказано: ваши деньги — это наши спектакли. Они не позволяют себе ни болеть, ни отдыхать.

— На заре перестройки многие ее прорабы от театра рассуждали о самокупаемости театров. Сейчас все, кажется, поняли, что это невозможно. А вы так и существуете?

— Это невозможно. Но мы стоим на ушах, потому что у нас нет другого выхода. Самый большой кидала у нас — это государство. Если конкретный человек мне говорит: я тебе должен, но я тебе не отдам, и забудь об этом, то я этому человеку набью морду. Если сам не справлюсь, попрошу друзей помочь, и мы втроем-вчетвером ему навалием как следует. Не потому, что я жадный. Я совсем не жадный, но терпеть не могу, когда не держат слово. А что делать, если то же самое говорит государство? «Мы тебе недодали? Ну и не дадим, ха-ха-ха!» Если передо мной бандит, то я знаю, что это бандит. У него есть свой кодекс, уродливый, страшный, но есть. Я могу на этого бандита давить, воздействовать на него его же методами. А что здесь делать? Государство наше — не просто кидала, а самый коварный кидала. Потому что оно при этом тебя убеждает, что вы с ним заодно делаете большое культурное дело.

— Попробуйте встать на место Минкульту, которое вы так ругаете. Им тоже неоткуда взять, если не дает Минфин.

— Министерство просто должно взять за глотку правительство и ногтями-зубами вырвать хотя бы то, что полагается по закону. Отвоевать хотя бы эти проценты с нуля после запятой. Разве что Управление капитального строительства нам помогает. У меня к этому министерству только эта претензия. Вот сидел тихо Сидоров, теперь эта женщина из Ленинграда сидит. Почему они не воюют? Они должны надоесть, взять измором. Бойцами должны быть. Как это делают воюки, которые потихоньку все опять себе возвращают.

— Возможно, есть смысл забыть про власти и обратить взор к спонсорам.

— У меня раньше была куча спонсоров, и я жил, вообще говоря, не обременяя государство. Сейчас, если кто и дает деньги, то при этом умоляет: только не говори, ради Бога, только не благодари в прессе, только не упоминай. Я не могу сейчас достать денег, потому что государство берет налоги с благотворительности. Все приходится делать втайне.

— То есть, мягко говоря, не абсолютное закононо?

— Но это государство совершенно не стыдно обмануть. Больше того, его очень хочется обманывать. Я мог бы, обманывая его, испытывать воровской страх. Но никаких угрызений совести я бы не испытывал. Я, в сущности, законопослушный человек. Но я не хочу соблюдать закон, по которому всем наплевать, жив я или нет.

— Только что вы отыграли «Трехгрошовую оперу». Там ведь, помимо прочего, речь тоже идет об определенной модели сосуществования власти и личности.

— Да, очень, кстати, похоже. До безобразия похоже. Папа мне однажды рассказал, как он разговаривал с Ворошиловым по поводу эстрады. «А что вот это такое, эстрада? Это кто такие?» — спросил Ворошилов. Папа стал объяснять: ну, это Шульженко, ансамбль Моисеева, такие-то и такие-то музыканты, вот Утесов... «Ой, — поморщился Ворошилов, — про этого ты мне лучше не говори. «Почему, Климент Ефремович?» «Как, ты разве не знаешь, что он на надувной шине пытался переплыть в Финляндию через Финский залив?» Папа его стал убеждать, конечно. Но дело в том, что представление о культуре, как мне кажется, у властей предержащих осталось примерно на том же уровне и сегодня. Они по-прежнему разделяют экономику и культуру. И театр путают с шоу-бизнесом.

— Может быть, если государство столь нечестно, вообще не нужно быть государственным театром?

— Может быть. Мы в связи с предполагаемой реконструкцией имели дело с несколькими инвесторами. Выясняется, что с гостеатром они очень неохотно идут на контакт. С частным — пожалуйста. А государство оказалось самым ненадежным партнером.

— Так, возможно, надо вообще все ломать? Может быть, действительно, как предлагают многие, пора прикрывать сеть дорогостоящих репертуарных театров? Перейти на «бродвейскую» систему ежедневной эксплуатации одного спектакля. По-моему, «Сатириконом» уже сделан шаг в этом направлении: у вас спектакли часто идут по три дня подряд.

— Это связано исключительно с техническими условиями. Декорации к «Трехгрошовой опере» монтируются всю ночь, к последней премьеры, «Кюджинским перепалкам», тоже несколько часов. Технически невозможно менять их ежедневно. Иначе пришлось бы играть через день, а этого делать нельзя, по изложенным выше причинам.

— То есть система репертуарного театра вас и сегодня, и даже в таком виде, устраивает?

— Не просто устраивает, лично для себя я считаю ее единственно возможной.

— Но вы же играли и играете в антрепризах?

— Да. Но мне там не нравится. Мне кажется, антреприза не создает театральную атмосферу. Это вообще не театр, по большому счету. Только в репертуарном театре можно растить артистов, только здесь можно выстраивать творческую судьбу. А я именно этим и хочу заниматься. Артист, который не имеет своего театра, — как корабль, у которого нет порта приписки. То здесь постоит, то там, бездомный и бесхозный. Мне даже и в киноартистах, которые не играют в театрах, всегда видится что-то сиротливое... Другое дело, наверное, что не нужно так много репертуарных театров. Это великая национальная традиция, но слишком дорогая для такого нищего государства, каким оказалось наше.

— А кто будет решать, какие нужны, а какие нет?

— Ой, да, это страшная ответственность. Я бы за это не взялся. Тем более что часто в театрах, находящихся по художественному уровню ниже всякой критике, идет бурная братская жизнь, со своими праздниками и успехами...